

С.А. Андреевский

Книга о смерти. Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С.А. Андреевский**
Книга о смерти. Том 1-2 / С.А. Андреевский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
633 с.

ISBN 978-5-517-97902-5

ISBN 978-5-517-97902-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*Пусть, когда закроется книга моей жизни, —
раскроется моя книга о смерти.*

*Я ее посвящаю вамъ, живые, не для того, чтобы
омрачить ваше сердце, но для того, чтобы каждый
изъ васъ смотрѣлъ на свою жизнь, какъ на непро-
ницаемую святыню.*

Нѣтъ въ жизни ничего поразительнѣе смерти. Она отрицаетъ все, передъ чѣмъ мы преклоняемся: гений, красоту, власть. Она дѣлаетъ наше отдѣльное существованіе такимъ бессмысленнымъ, что, собственно говоря, каждому слѣдовало бы сойти съ ума отъ сознанія, что онъ умретъ. Но отъ этого никто съ ума не сходитъ.

Надъ раскрытой могилой прославленныхъ людей произносятся рѣчи. Въ нихъ обыкновенно говорится, что «безжалостная смерть» похитила этого человѣка, но что «его дѣла будутъ жить». Здѣсь сказывается и наша хвастливость передъ силою

смерти, и стремленіе побудить другихъ людей продолжать, безъ унынія, заниматься общепольными дѣлами. Но и то, и другое безцѣльно. Никакое хвастовство не запугаетъ смерти и никакія ея опустошенія не останавливаютъ здоровыхъ людей въ ихъ занятіяхъ. Они будутъ заниматься потому, что такова уже ихъ природа и что всякая смерть ими забывается, будто она была суждена только покойнику, но не имъ. Но сколько бы тамъ ни разглагольствовали ораторы, тѣснящіеся возлѣ дыры съ опущеннымъ въ нее гробомъ, объ энергій человѣчества, — все таки всего менѣе энергій къ «дѣлу» можетъ внушить именно этотъ послѣдній мертвецъ. Всякій знаетъ, что въ агоніи, когда мучился его умъ, онъ былъ совершенно чуждъ тому дѣлу, которое любилъ при жизни, и всякій уходитъ отъ этой зарытой куклы съ сознаниемъ какой то неразрѣшимой нелѣпости. Недоумѣніе это, впрочемъ, скоро проходитъ... до новаго подобнаго же случая, когда совершенно заново — сколько бы похоронъ ни повторилось — возникаетъ и опять такъ же быстро проходитъ то же самое недоумѣніе. И такъ всѣ живутъ отъ сотворенія міра.

Природа нестерпимо умна, то есть такъ умна, что мы не только не можемъ передѣлать ея законовъ, но при всемъ нашемъ негодованіи на нее, при всемъ нашемъ страданіи отъ нея, — мы не въ силахъ даже придумать иного устройства міра. Кажется: чего проще — устранить смерть и все было бы хорошо... Но попробуйте. При настоящемъ

строѣ все мило, потому что переходимо; тогда бы все сдѣлалось постояннымъ и стало несноснымъ. Наша любимая земля, если бы только съ нея рѣшительно никогда и никуда ни за какія блага невозможно было уйти, — сдѣлалась бы намъ столь ненавистною, что мы, сжимая кулаки и стуча головами о камни, изрыгали бы проклятiя на тѣ далокiя звѣзды, которыя теперь почему то кажутся намъ такими таинственными и сродными. Онѣ были бы отъ насъ еще дальше, чѣмъ теперь... Не было бы ни власти, ни религiи, потому что никто бы не могъ отнять жизни. Встрѣчая постоянно Адама, Клеопатру и Александра Македонскаго, мы были бы къ нимъ совершенно равнодушны и не имѣли бы исторiи. Поэтъ и художникъ ничего бы не создавали, потому что у нихъ не было бы побужденiй оставить свой слѣдъ, да и мотивы для искусства совершенно бы исчезли въ этой неизмѣнной, неразвивающейся жизни. Всѣ люди имѣли бы одинъ возрастъ, и юность утратила бы свою прелесть. Все, что мы называемъ «благами жизни» — удобство, роскошь, ткани, которыя нѣжатъ наше тѣло, колесницы и вагоны, избавляющiе насъ отъ утомленiя, дворцы, заставляющiе насъ забывать о погодѣ и климатѣ, — все это не только бы лишилось значенiя, но едва ли бы и возникло, потому что холодъ бы насъ не простуживалъ, голодъ намъ не вредилъ, усталость не изнуряла и т. д. и т. д. Самое различiе половъ едва ли было бы нужно и возможно, потому что въ обновленiи человѣчества, сдѣлавшагося неистреби-

мымъ во всемъ его составѣ, не было бы надобности, а безграничное распложеніе его было бы очевидно невозможно. Словомъ, та именно жизнь, которую мы теперь такъ страстно любимъ, ни подъ какимъ видомъ не могла бы быть такою, какъ теперь, если бы не было смерти. Сохранить ее въ настоящемъ ея видѣ, съ устраненіемъ изъ нея смерти, не было бы никакой возможности. И какъ ни странно, но слѣдуетъ сказать, что та жизнь, которую мы любимъ, создана ничѣмъ инымъ, какъ смертию.

Но какъ бы тамъ ни было — смерть ужасна, отвратительна, непостижима!

И сколько я о ней думалъ!

Вотъ исторія этихъ мыслей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Туманъ лежитъ еще кругомъ
Надъ полемъ дѣтскихъ наблюденій

Стараюсь вспомнить, когда именно я получилъ первое понятіе о смерти въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Для этого нужно рассказать о началѣ моей жизни.

29 декабря 1847 года, близъ Луганска, въ селѣ Александровкѣ, Славяносербскаго уѣзда, матушка моя разрѣшилась отъ бремени близнецами, изъ которыхъ вторымъ новорожденнымъ былъ я.

Александровка принадлежала двоюродному дядѣ моей матери, богатѣйшему въ томъ краѣ помѣщику Сомову. Сомовскій домъ былъ настоящій дворецъ, съ бѣлымъ заломъ подъ мраморъ, съ гостинными, диванными, билліардными, угольными, модельными и всякими другими комнатами, въ томъ числѣ съ «зеленою комнатою», въ которой мы съ братомъ родились. Матушка находилась тамъ въ центрѣ своего многочисленнаго родства. Отецъ въ то время переѣзжалъ на службу изъ Тифлиса — въ Петрозаводскъ. Невозможно было въ такую далекую дорогу, да еще зимою, брать съ собою двухъ

крошекъ. Рѣшили одного изъ насъ, по жребію, оставить на воспитаніе у матушкиной сестры, проживавшей въ Луганскѣ, съ своимъ мужемъ, докторомъ. Жребій этотъ достался на мою долю.

Но я не долго оставался на рукахъ у тетки и былъ переданъ ею на попеченіе моей прабабушкѣ, которая перевезла меня въ деревню «Веселая гора», въ пятнадцать верстахъ отъ Луганска.* Тамъ то я и прожилъ до девятого года, не выдавъ ранѣе ни отца, ни матери, у которыхъ къ тому времени уже было трое неизвѣстныхъ мнѣ сыновей (въ томъ числѣ мой близнецъ) и одна дочь, старшая изъ всѣхъ насъ.

«Веселая Гора» — чудесное, живописное село на берегу Донца, съ громаднымъ барскимъ домомъ, въ сорокъ комнатъ. Если вѣзжать со стороны Луганска, то приходится спускаться въ деревню съ горы; влѣво, на небольшомъ холмѣ, церковь, окруженная кустами желтаго шиповника и опоясанная бѣлымъ каменнымъ заборомъ. Далѣе, по главной улицѣ, — хлѣбный магазинъ и стеариновая фабрика, а вправо — помѣщичій домъ, бѣлый, двухэтажный, со множествомъ оконъ и съ балконами на всѣ четыре стороны, при чемъ съ балкона, обращеннаго къ саду, двѣ лѣстницы спускаются до земли. Вслѣдъ за домомъ — Донецъ. По ту сторону Дон-

* Многое изъ этого періода моей жизни выражено мною въ поэмѣ „На утрѣ дней“, — въ піесѣ автобіографической отъ начала до конца, съ весьма прозрачной маскировкой дѣйствительности. Не повторяю здѣсь всего того, что тамъ уже сказано.

ца — лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ, насколько видитъ глазъ; да и на этомъ берегу Доица, позади помѣщичьяго сада, такой же густой лѣсъ. И когда изъ дома смотришь на садъ, то справа видишь высокую гору.

Здѣсь я проживалъ съ прабабушкой и ея компаньонкой почти въ полномъ одиночествѣ, потому что многочисленные потомки прабабушки были постоянно въ разбродѣ, а ближайшіе члены ея семьи большею частью проживали въ Луганскѣ, гдѣ въ то время поселилось цѣлое общество образованныхъ горныхъ инженеровъ и гдѣ, при чугунно-литейномъ заводѣ, сосредоточилось управленіе горнаго округа. Въ просторныхъ комнатахъ «весело-горскаго» дома мы жили втроемъ, окруженные разнообразною дворнею изъ крѣпостныхъ: дворецкій, ключникъ, староста, нянька, прачка, булочница, птичница, коровница, — старухи, приходившія дежурить на ночь, — горничныя, взрослые и малолѣтнія, и т. д.

Прабабушкѣ моей было уже за восемьдесятъ лѣтъ. Она была сухощавая, маленькая, сгорбленная и глуховатая, но зубы у нея сохранились и ея рѣденькіе волосы были темно-желтаго цвѣта, безъ сѣдины; она ихъ связывала въ узелокъ на макушкѣ и прикрывала бѣлымъ чепцомъ только при чужихъ. Платье носила черное, недлинное, съ поясками, которые она любила перебирать въ рукахъ. Компаньонка, вдова одного харьковскаго чиновника, — институтка по образованію, — была бѣлая и ро-

зовая пятидесятилѣтняя женщина съ лысѣющимъ проборомъ среди головы, съ маленькими свѣтлыми начесами, прикрывавшими, по тогдашней модѣ, наполовину оя уши. Она говорила медленно и явственно и писала красивымъ почеркомъ; руки у нея были полныя, правильной формы, съ веснушками. Она часто надѣвала черныя вязанныя митенки и носила въ ухахъ маленькія серебряныя серьги. Эта добрая Надежда Васильевна первая обучила меня грамотѣ; она же преподавала мнѣ священное писаніе по маленькой книжкѣ безъ переплета, напечатанной на толстой и мягкой какъ вата бумагѣ. Въ книжкѣ были картинки, но такія тусклыя, что въ жертвоприношеніи Авраама я никакъ не могъ найти барашка, хотя мнѣ и указывали его въ одномъ углу картинки, гдѣ что то сгущалось въ загадочное пятно. Я постоянно возвращался къ этому пятну; въ иные дни мнѣ казалось, будто я различаю голову барашка, высушующуюся изъ травы, но потомъ я снова терялъ эту способность и не умѣлъ видѣть даже этой головы.

Обѣ женщины были чрезвычайно религіозны. Прабабушка, съ которою я спалъ въ одной комнатѣ, всегда утромъ и на-ночь молилась очень долго. Она произносила молитвы въ полъ-голоса, иногда останавливаясь передъ кіотомъ, у котораго всегда горѣла лампадка, но большею частью молилась, — расхаживая по комнатѣ и продолжая на ходу свой утренній или ночной туалетъ. Случалось, что она даже прерывала свою молитву и звала зачѣмъ ни-